

Эта книга о том, что пришлось пережить ленинградцам в блокированном городе. Есть обычное и ставшее классическим описание героизма и стойкости людей. Они не жалуются, поддерживают упавших духом, терпеливо переносят трудности, верят в лучшее будущее. Они и в самые трудные минуты доброжелательны, думают прежде всего о ближнем, готовы всё отдать, чтобы ему помочь. Когда мы видим страшные картины умирающих в муках ленинградцев, то понимаем, что нужны иные оценки того, что они совершили. Эта книга о подвиге, но читатель не найдет здесь привычных пафосных слов. Они не нужны, они лишние. Каждый делал свое дело, но в единении с другими создал ту непреодолимую стену, которая оградила город от падения в бездну. Эти люди не выбирали свою судьбу, но когда пришел их смертный час, многие из них встретили его достойно.

Эта книга — не энциклопедия жизни осажденного города с подробным обзором всех ее сторон. Она рассказывает прежде всего о бедах и страданиях людей. Это блокада, увиденная глазами самих жителей Ленинграда. Они описывали ее, не дозируя плохое и хорошее и не сверяя свои записи с идеологическим каноном, четко предписывающим, как надо освещать историю войны. Они обращали внимание на то, что наиболее потрясало и уязвляло их, запоминалось необычностью и драматизмом. Мимо рутинных происшеств-

вий они обычно проходят с безразличием. Им не было дела до того, где работает театр и кто исполняет арии, чем заняты художники и поэты и над какими диссертациями работают ученые. У них была другая жизнь. Ее трудно понять, если подходить к ней с мерками сегодняшнего дня. Привычные ценности во время катастрофы неминуемо рушатся, в человеке обнажаются такие глубины и закоулки, о которых он и сам не догадывался. И главное здесь — не примерять на себя роль арбитра, не указывать никому, как он должен выглядеть в дни испытаний, а понимать, что не может продолжать человек жить как раньше, если хотел спастись.

Время молчания прошло. Не надо наводить на блокадников «хрестоматийный глянец», не надо приписывать им того, о чем они не думали и не говорили.

Свидетельства очевидцев блокады, погибших и выживших, создают впечатляющую по своей силе фреску мученичества великого города. Ее никогда и никому не стереть. Вот этот город — беспомощный против обстрелов и налетов, искалеченный и израненный, но и руинами очерчивающий свои границы, которые никто не смог переступить. Вот эти люди — опухшие, шатающиеся, выискивающие крошки хлеба, мучимые голодом и холодом, разучившиеся плакать — но оставшиеся людьми.

Вот эти люди.

ГОРОД

Глава первая *Блокада*

Оперативный план «Барбаросса» и сопутствующие ему документы четко определили основной стратегический замысел немецкого командования. Главными направлениями ударов войск противника были выбраны Юг и Север СССР. После завершения там боевых действий предполагалось при помощи мощных ударов охватить клещами район Москвы и прервать связи ее с другими районами страны. Наступление на Ленинград немецких войск, объединенных в группу армий «Север» (командующий — фельдмаршал В. фон Лееб), было продиктовано несколькими целями. Во-первых, это должно было лишить русских важнейшего звена обороны на Севере, во-вторых, могло парализовать действия Балтийского флота и тем самым устранить угрозу немецким коммуникациям в тылу и сделать невозможным высадку десантов с острова Котлин и создание плацдармов, требовавших отвлечения немалых сил. В-третьих, оно должно было приковать к Ленинграду значительное число советских армий, которые нельзя было использовать как резерв и перебрасывать на другие фронты. В-четвертых, это помогло бы нанести урон ленинградским фабрикам и заводам и препятствовать доставке их военной продукции в тыл. В-пятых, это ускорило бы объединение немецких и финских войск.

Прорвавшиеся через Прибалтику и Запад России соединения немецких войск начали наступление на Ленинград 10—13 июля 1941 года. 10 июля перешла в наступление на Карельском перешейке финская Юго-Западная армия, которая к концу августа вышла на линию старой советско-финляндской границы. Город защищали войска Северо-Западного направления (главнокомандующий — маршал К. Е. Ворошилов). Наиболее сильное сопротивление противник встретил на Лужском рубеже. Созданный здесь укрепрайон, который долго оборудовался системой фортификационных сооружений, не сыграл, однако, отведенной ему роли. Несмотря на героизм его защитников, долго удерживать на нем немецкие войска не удалось. Их лобовые атаки сменились обходом лужских укреплений через район Копорья. В середине июля 1941 года им удалось прорваться к Кингисеппу. Менее успешными в июле оказались действия немецких армий на Новгородском направлении. Борьба за город была ожесточенной, контрудар советских войск в июле у города Сольцы на время позволил приостановить немецкое наступление.

Для действий группы армий «Север» в июле—августе 1941 года были вообще характерны осторожность и медлительность в значительной мере и вследствие ожесточенного сопротивления советских войск, нередко умело использовавших особенности местности (обилие рек, лесов, отсутствие широкой сети дорог). Продвижение немецких подразделений осуществлялось по следующей схеме: поиск слабых мест в позициях противника, позволявший оптимально выбрать места ударов, обход мощных узлов сопротивления через те «коридоры», где численность красноармейцев была невелика, и там, где находились стыки флангов дивизий и армий, изматывающее их позиционное маневрирование, при котором особое внимание уделялось целостности коммуникаций между различными войсковыми частями. Продвинувшись вперед, но понеся при этом тяжелые потери, немецкие войска обычно дожидались прибытия свежих резервов, чтобы, не опасаясь быть окруженными, продолжать наступление.

Широкомасштабных операций и огромных «котлов», где сдавались бы в плен сотни тысяч советских солдат, как это бывало на Юге, Западе и в Центре России, Красной армии здесь удалось избежать, и летом начальник штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер осторожно заметил, сославшись на мнение и других руководителей вермахта, что события на Севере развиваются «не так, как надо». Особую трудность для армий В. фон Лееба представляло то, что танки, ввиду рельефа местности, невозможно было использовать в полной мере. Они застревали в болотах, в снегу, на малочисленных дорогах, забитых обозами, военной техникой, пехотой и грузовиками с боеприпасами. Сами по себе эти факторы лишь замедлили продвижение группы армий «Север», но не могли существенно повлиять на расстановку сил во время битвы за город. Опыт «блицкригов» у немцев имелся, и они редко до конца 1941 года заканчивались провалами. Тактическая выучка немецких солдат, умение их взаимодействовать в острых и кризисных ситуациях, способность сосредоточить в местах прорывов максимальное число войск и не распылать их силы в значительной степени обусловили развитие событий на дальних подступах к Ленинграду во второй половине лета 1942 года.

Следствием контрудара советских войск из города Сольцы стала приостановка движения немецких частей на Ленинград 18 июля 1941 года. Предстояло сосредоточить их на главных направлениях, дожидаться прихода новых пополнений и обеспечить фланги от неожиданных ударов противника. Вынужденный «отдых» затянулся на несколько недель. Резервные части, весьма измотанные, прибывали на Северный фронт не сразу — они требовались группе армий «Центр» в Смоленском сражении, которое окончилось лишь в последней декаде июля 1941 года. Наступление на Ленинград возобновилось в конце июля — начале августа 1941 года. Быстрее всего продвигались к городу части, действовавшие на Юго-Западном направлении. Там ощутимее всего проявлялся перевес в войсках и боевой технике. Подразделения группы армий «Север» наступали на Ле-

нинград тремя путями — через район Кингисеппа, через Лугу и из района Новгорода и Чудова.

Главный удар был намечен 8 августа 1941 года в направлении Красногвардейска*. Быстро удалось нарушить железнодорожное сообщение между Кингисеппом и Ленинградом и потеснить здесь позиции советских войск, среди которых было много ополченцев. 10 августа началось наступление на Лугу (взять ее с ходу не удалось) и на Новгород. Здесь был нанесен 12 августа совсем уж неожиданный для немцев контрудар под Старой Руссой, обернувшийся для них тяжелыми потерями. Прорыв удалось ликвидировать к 25 августа, но медленное продвижение группы армий «Север» было одной из причин так называемого «кризиса командования», который достиг своего пика в начале сентября 1941 года. Спор возник между Гитлером, который требовал придерживаться основных положений плана «Барбаросса», и главнокомандующим сухопутными войсками В. фон Браухичем и начальником Генштаба Ф. Гальдером, желавшими ускорить наступление на Москву и тем самым отодвинуть на второй план достижение других оперативных целей. Становилось ясно, что до начала осенней распутицы, делавшей невозможным массовое использование танков, захватить Ленинград не удастся. Замысел, положенный в основу плана «Барбаросса», дал глубокую трещину. Теперь каждый день был на счету, оттягивать наступление на Москву дальше было нельзя. Это означало, что наиболее боеспособные части должны быть переданы группой армий «Север» группе армий «Центр». В этих условиях темпы и размах операций под Ленинградом неизбежно бы сократились и не позволили бы в обозримом будущем принудить город к сдаче.

Взгляды Гитлера на судьбу Ленинграда несколько раз менялись, и порой трудно выяснить, где мы имеем дело с идеологической декларацией, высказанной с присутствующими ему самоуверенностью и безоглядностью, а где с оперативными планами, четко и подробно определявшими способы решения военных проблем. Чаще всего цитируется заявление Гитлера о том, что Ленинград не-

* Название Гатчины в 1929—1942 годах.

обходимо сравнить с землей. Об этом приказе командующий группой армий «Север» узнал, по его словам, лишь после войны — соображения Гитлера были высказаны в обход него, в ответе на запрос Военно-морского штаба. То, что эти слова были произнесены Гитлером, не подлежит сомнению, учитывая их тон и стилистику и зная, как часто на них ссылались руководители вермахта. Но оценить его ораторские опыты предстояло немецким генштабистам с их методическим, системным и цепким мышлением. Ясного понимания того, что делать с двухмиллионным городом, никто не имел — ни верхушка германской армии, ни эксперты, занятые составлением детальных и скрупулезных военно-оперативных планов. Захватывать город, тем более его штурмовать, еще в августе 1941 года представлялось нецелесообразным. «Ровнять» город с землей являлось занятием не только бесцельным и дорогостоящим. Эту задачу вообще было трудно решить: требовалось огромное количество саперов, работников технических служб, взрывчатых веществ, а где их было взять без ущерба для фронта?

К началу сентября 1941 года оперативный замысел германского командования на Северо-Западе России принял более конкретные и менее волюнтаристские очертания. Ленинград постепенно перестал считаться первоочередной целью, главной задачей было овладение районом Москвы. Ленинград предполагалось не захватывать с ходу, а только блокировать, но такой прочной стеной, что исключалась попытка оказать ему военную и продовольственную помощь. В. фон Лееба не особенно сдерживали в его броске на Ленинград, позволяя действовать на свой страх и риск. Но срок передачи его дивизий на Московское направление был определен жестко — середина сентября 1941 года. С имеющимися силами продолжать успешные бои на ближних подступах к Ленинграду для группы армий «Север» стало намного сложнее.

Контрнаступление ее возобновилось 20 августа 1941 года. Быстрота продвижения немецких войск во многом обуславливалась не только их богатым боевым опытом, но и тактической выучкой. К концу лета 1941 года стали отчетливо видны промахи в руководстве советс-

У ПОРОГА СМЕРТИ

Глава первая *Голод*

«Говорят, опыт помогает... Да, но не этот “опыт”. Опытных голодающих я не встречал»¹ — эта горькая истина не раз находила подтверждение в блокадные дни и ночи. Голод почувствовали не сразу. «В сентябре... продуктов стало не то чтобы не хватать, но чувствовалось, что их становится все меньше», — отмечала В. А. Чернышева². Блокадники позднее вспоминали о постепенном «накоплении голода», сначала малозаметном, но со временем все более осязаемом. Насытиться в той мере, как это было в прошлом, теперь удавалось не всем: паек постоянно снижался, за бескарточными выдачами выстраивались километро-вые очереди. Разборчивость, привередливость во время еды стали быстро исчезать: начали есть и те продукты, которые ранее избегали пробовать.

В середине октября 1941 года все чаще стали отмечать «едовую горячку», вызванную «вечным сосанием под ложечкой». Люди не могли наесться в столовых, требовали добавку — об этом очевидцы говорили иногда с брезгливостью, но остро ощущавшие нехватку еды горожане перестали прислушиваться к осуждающим упрекам. Иногда спасали и накопленные за лето овощи, но вскоре и они кончились. Ощущая «томительную пустоту в желудке», многие ели не переставая, не придерживаясь никаких «графиков». В ноябре—декабре 1941

года чувство голода появлялось буквально через час после приема пищи, причем иногда и обильной. Оно выворачивало наизнанку, не давало ни на минуту успокоиться — это заметно и по тональности дневниковых записей блокадников: «а кушать так хочется!»; «кушать хочется страшно»; «ужасно есть хочется!»; «есть хочется невероятно»; «очень голоден... очень хочется есть»; «какой кошмар — голод»³.

Симптомы голода и его последствия отчетливее и подробнее всего выявлены в дневниках Л. В. Шапориной и А. Н. Болдырева. По записям Л. В. Шапориной, работавшей в госпитале, видно, что даже человек стойкий и склонный часто порицать несправедливость, под влиянием голода меняет свои оценки, делая их менее жесткими. 14 октября 1941 года Л. В. Шапорина получила от знакомой буфетчицы 0,5 килограмма масла за крайне низкую по тем временам сумму — 50 рублей. Она понимает, что масло приобретено не очень честным путем, отсюда и потребность оправдаться, используя хлесткие аргументы: «Это может быть неприлично, но голод, искусственно созданный нашими правителями, еще неприличнее»⁴. Голод нарастает, она пытается «переместить внимание» на что-то другое, кроме еды, но это не помогает: «Ловлю себя на мечтах о завтраке с белыми булочками, ветчиной, шоколадом»⁵. 18 января 1942 года она записывает в дневнике: «На столе лежит ложка, которой раздавали больным кашу. Я пальцем как бы нечаянно задеваю ложку, на пальце немного каши, потихоньку облизываю»⁶. Е. И. Иринархова работала на хлебозаводе: «После чистки мешков оставались какие-то крошки, но выносить ничего было нельзя. Более опытные женщины посоветовали мне чуть-чуть намочить эти крошки и обмазать ими руки. Дома это отдирать было просто невозможно, до слез больно», — вспоминала она⁷.

Весной 1942 года нормы выдачи хлеба значительно повысились, но она не чувствует этого, готова теперь работать донором, есть всё, что угодно. Она чаще пишет в дневнике о гнетущем, побеждающем всё чувстве голода, от которого никак не избавиться, — ни обильными кашами, ни сытным супом. И эти записи становятся более яркими и необычайно страстными, без из-

винений за свою слабость и без оговорок. В записях осени 1942 года моральные рефлексии отходят на второй план. Получая от знакомой каши, она прежде всего отмечает, что это «такие порции, каких в столовых мне не дают». Она, правда, и сама ощущает произошедшие с ней перемены: «Это меня развращает, я помимо своей воли начинаю ждать подачек». Оправдания менее пространны, чем раньше, но они теперь, после пережитых мук, наверное, и не нужны: «Возмутительно, но с голодом ничего не поделаешь»⁸. В ноябре 1942 года, неся подруге купленный по ее карточке хлеб, она никак не может отогнать мысль о том, что делать, если застанет ее мертвой. Она и здесь готова отступить: «Прежде всего, съем хлеб». Голос чести она пытается заглушить категоричностью и жесткостью: «Да, жадно съем ее хлеб и потом... буду думать об умершей»⁹.

А. Н. Болдырев, сотрудник Института востоковедения, начал «подъедать» за чужими людьми тоже в конце марта 1942 года, когда набор карточных продуктов блокадников стал обильнее. «Доел третью, оставленную почти нетронутой соседом, кашу... Я здесь... пережил одно из странных голодных волнений — волнение при виде недоеденных соседями блюд и хлебов. Совершенно неслыханное, любопытное чувство» — так он описал свой обед на одном из военно-морских кораблей, где «столующиеся» питались намного сытнее, чем простые блокадники¹⁰.

Голодал ли он в это время? Нет, считает он, о голоде теперь говорить нельзя, но есть «доминанта в чувствах». Это «прорва несытости», она свирепствует, от нее никак не защититься, каши и супы тоже не спасают. «Хлеба не хватает зверски», — записывает он в дневнике 7 августа 1942 года. Получив в сентябре 1942 года воблу, он сразу отмечает, что есть ее — наслаждение, и именно потому, что она «крепкая и ее можно кусать», а каши и супы — жидкая и полужидкая пища, на них и зиждется «полусытость». Наконец, в январе 1943 года он обнаруживает у себя первые признаки «усмирения ненаеда» — уменьшение записей о продуктах в дневнике. Обычно голодный человек надеется, что такое «усмирение» наступит после «великолепных праздников пищи», после

пиршеств — но нет, замечает он, это произошло как-то незаметно¹¹.

Записи ощущений, вызванных голодом, не очень часто можно обнаружить в блокадных документах. Они в чем-то схожи, хотя всегда следует делать поправки на индивидуальный опыт рассказчика и учитывать специфику его самоанализа: происходившие с ним перемены он не мог описать понятно и точно. Первое, что отмечали, — все чаще возникающие мысли о еде. Они начинают переполнять человека, становясь в чем-то патологическими, неизбежными. Дать зарок не обращать на них внимания оказывалось трудным. «Я спокойна только тогда, когда все съедобное уничтожено, иначе оставшийся кусочек хлеба может мучить как наваждение, пока с ним не расправишься, будь этот кусочек с орех величиной». И. Д. Зеленская занесла эту запись в дневник 20 сентября 1942 года, когда питание в Ленинграде заметно улучшилось¹².

«Сосет под ложечкой жутко» — так описывал свое состояние В. Петерсон, и именно этот симптом отмечался блокадниками чаще всего. Страшной для них являлась и «томительная пустота в желудке»¹³. Успокоиться было невозможно: «...непрестанный едкий глад сверлит нутро»; «чувствуешь, что голод пожирает тебя изнутри»¹⁴. Казалось, это никогда не кончится, от этого чувства не уйти и не спрятаться. Терпеть не имелось сил, отчаяние прорывается не у одного человека. Б. Злотникова готова была «съесть простыню», чтобы прекратились ее муки. Е. Мухина записывает в дневнике 21 ноября 1941 года: «Ужасно хочется есть. В желудке ощущается отвратительная пустота. Как хочется хлеба, как хочется. Я, кажется, всё бы сейчас отдала, чтобы наполнить свой желудок»¹⁵.

Блокадники говорили о том, что не могли заснуть из-за постоянно возникающих мыслей о еде. «Перед глазами беспрерывно мелькают котлеты, и я чувствую их раздражающий запах», — вспоминал А. Коровин¹⁶. Да и сами сны нередко являлись «голодными», как их называли ленинградцы. Содержание их, как правило, было одинаковым: перед глазами изобилие продуктов, но их или нельзя съесть, или до них не достать, либо они ис-

чезают при малейшем прикосновении. Приведем некоторые из записей этих снов и рассказов о них. «Рядом около тебя лежит хлеб, масло, но ты не можешь до них дотянуться. Или вообще не можешь сдвинуться, как будто скована. Или еще страшнее — у тебя эту пищу забирают», — вспоминала С. Готхарт. Более картинное описание «голодных снов» мы находим в записках Ильи Сергеевича Глазунова — он передает рассказы тети: «Ей часто снится еда, роскошные столы, ломящиеся от яств, источающих аромат только что зажаренной дичи, пирогов, горячего кофе. Она берет тарелки в руки... и... просыпается». Варианты снов бывали различными, схожей являлась их концовка: «Мне приснился сон, от которого я проснулась со стоном. Мне снилось: я иду по Свечному переулку, а в руках у меня большое яблоко, я несу его Андрюше (сын. — С. Я.), несу и откусываю понемногу, и вдруг вижу — я съела все яблоко»¹⁷.

Примечательно не только содержание этих снов, но сам факт их записи или воспоминаний о них. Возможно, это все тот же акт «замещения» еды бесконечными рассказами о ней — рассказами, которые слышали или в которых участвовали, наверное, подавляющее большинство ленинградцев. В них преобладали две темы: как сытно ели в прошлом и что будут есть после блокады. Прошлое представлялось каким-то райским уголком, отличавшимся сплошным изобилием, где все можно было легко купить, где пища являлась необычайно вкусной — ощущения не очень идиллической довоенной поры словно начисто смыты. Особенно укоряли себя за то, что являлись тогда не в меру разборчивыми: корки хлеба казались горькими и грязными, от каш отворачивались. Оголодавший семилетний мальчик признавался бабушке: «Помнишь, как я не любил манную кашу даже с вареньем, а теперь бы я всякую съел»¹⁸.

Очень сожалели, что не запаслись продуктами в первые месяцы войны, когда в магазинах еще можно было их найти, что не скупали лекарства и витамины в аптеках, а иногда и обвиняли себя, если с кем-то раньше слишком щедро делились. Что-то болезненно преувеличенное есть и в мечтах блокадников о том, как они станут питаться в будущем. Представления о том, как

ЛЮДИ

Глава первая *Облик*

«Что “они” с тобой сделали» — таковы были первые слова Александра Прокофьева, когда он увидел одну из своих знакомых весной 1942 года. В начале декабря 1941 года О. Ф. Берггольц еще не прочь была поиронизировать над своей «типично ленинградской внешностью», но спустя несколько недель неулыбчивость, угрюмость, немота блокадных лиц отмечались повсеместно. «Вмятины» войны обнаружались на облике людей еще до наступления голода. «У большинства измятые лица, какой-то зеленовато-серый цвет кожи», — записывала в дневнике 5 октября 1941 года М. С. Коноплева, объясняя это усталостью людей от многочисленных дежурств в пожарных и спасательных командах¹.

Через несколько недель «цветовая» гамма лиц обозначилась четко. Она менялась быстро: «Лица сначала бледнели, потом становились желтыми. Затем окраска кожи принимала сиренево-землистый оттенок»². Первое, что бросалось в глаза, — это мертвенная бледность, «серобетонность» и желтизна лиц. О женщине с «налитым желтой водой лицом» И. Д. Зеленская сообщала в дневнике 18 декабря 1941 года; есть и другие свидетельства³. Нередко отмечался землистый цвет лица. «Это была болезненная пигментация, вызванная голоданием, но к ней примешивалась несмываемая маска черной

копоти от керосиновых и масляных фитилей», — рассказывал военврач А. Коровин⁴. «Закопченные» лица — клеймо блокадного Ленинграда. Их по привычке называли еще и грязными, но отмыть их не только от копоти светильников, но главным образом от копоти буржеек удавалось далеко не всем.

Н. П. Осипова, наверное, не без признательности занесла в дневник 1 февраля 1942 года реплику проходивших мимо матросов о том, что «первую встретили с чистым лицом», но таковыми могли оставаться в «смертное время» лишь немногие. Р. И. Бушель рассказывала, как по дороге на Смоленское кладбище они занялись с директором фабрики несколько странным делом — «решили следить, сколько... увидим женщин с накрашенными губами». Вывод был неутешительным: «Встретили только одну. Она была худая, страшная, но вымытая и с подмазанными губами». Неумытость лиц стала особенно часто наблюдаться с конца декабря 1941 года, когда кончились дрова, а грянувшие лютые морозы сделали буржуйки самым популярным средством отопления. Воду берегли, довести и согреть ее было трудно, в комнатах стало холодно, а многие обессилели и утратили силу воли в такой степени, что перестали следить за собой. «Неотмываемые, закопченные лица» сестер и нянь наблюдал А. Коровин и в госпитале⁵.

Повсеместно отмечались худоба и отечность лиц. Говоря о них, как правило, добавляли всегда слово «страшная». «Все исхудали страшно», — сообщала в дневнике 14 октября 1941 года Л. В. Шапорина, а ведь это было еще преддверие голода. В начале декабря 1941 года «осунутость» стала общей приметой ленинградцев. Некогда полные здоровые лица из-за голода «обвисали». Необратимо нарушались их пропорции — иногда часть лица «текла» вниз, его очерчивали глубокие складки и морщины. «Складки от носа, вокруг рта к подбородку... на щеках обвисшая складками кожа» — таким был автопортрет, нарисованный Л. В. Шапориной⁶. Лица приобретали «старческий» вид. Убогость носимой горожанами «старческой» одежды приводила порой к тому, что тридцатилетней женщине уступали место в трамвае и даже к девочке-подростку обращались словом «бабушка».

На многих лицах резко проступали скулы, они становились «костлявыми», губы, обнажая зубы, придавали им «страшный оскал». Некоторые лица выглядели как черепа, обтянутые грязной кожей. Отмечали и их «носатость», особенно у женщин, — «костяные лица, провалы щек — необычайно выдававшиеся, увеличенные носы»⁷. У носов, казалось, провалилась переносица — это видно по рисункам того времени.

Глаза с покрасневшими веками поражали своим «глубоким западанием», широкой открытостью. «Огромные глаза, как двери», — скажет воспитательница детского дома Е. Г. Бронникова о взятых под опеку двух малолетних голодных сиротах⁸. Под глазами имелись белесоватые мешки, их оттеняли синева и кровоподтеки. Вследствие гормональных нарушений у многих женщин стали расти усы и борода. В. В. Бианки увидел весной 1942 года «поражающее количество женщин, даже девиц с усами», он же отметил и исчезновение волосатости у мужчин.

Наиболее распространенным последствием голода являлось опухание. Первые его признаки стали наблюдаться с начала ноября 1941 года. «Заметно опух», — скажет М. В. Машкова о своем друге в письме 5 ноября 1941 года. Разговоры об опухании часто стали слышать в городе в середине ноября. «Я пока еще хожу, но чувствую, что если ничем не подкрепиться, то тоже опухну», — записывает в дневнике 15 ноября 1941 года А. Ф. Евдокимов; 30 ноября он обнаружил у себя опухание ног. А. Н. Болдырев в дневниковой записи 16 ноября 1941 года описывал внешний вид своей знакомой, которая, даже получая карточку I категории, «почему-то до неузнаваемости опухла»⁹.

К началу декабря у блокадников начали опухать не только ноги, но и лица. Некоторые лица опухли так, что глаза были еле видны. 20 декабря В. Ф. Чекризов отметил в дневнике: «Распухшие люди... не редкость, а заурядное явление», а в записи 1 января 1942 года признал, что большинство голодающих именно пухнут, а не худеют. Опухали обычно лица и ноги, но нередко и руки, а иногда даже половые органы у мужчин. Ноги становились «слоновыми» — их с трудом поднимали и

двигались «по вершку». Следствием опухания являлась невероятная слабость¹⁰.

Причиной опухания блокадники обычно считали неумеренное потребление воды с солью, горячего кипятка. Любая жидкость — а к ней относятся и многообразные «пустые» супы (соевый, дрожжевой) — помогала немного утолить чувство голода. Эти супы выдавали часто без зачета продовольственных талонов, их можно было брать в столовых не один раз. Знали немало случаев, когда истощенные посетители заводских, ведомственных, учрежденческих и «привилегированных» столовых выпивали по 4—5 тарелок супа и к тому же брали их еще и на дом. Все сухие продукты (хлеб, крупа), как правило, размачивались в воде — считалось, что так получается сытнее. Тарелка супа с размоченным хлебом представлялась куда более огромной, чем крохотный 200-граммовый брикет. Остановиться было трудно. Голод выворачивал людей наизнанку, никакими уговорами предостеречь их не удавалось.

Голод ощутимо сказывался и на телах блокадников. «Не узнали себя», «один скелет», «кожа да кости» — плача, рассказывали люди, впервые за несколько месяцев увидевшие себя обнаженными в бане. «Ягодиц нет, есть только тазобедренные кости. Мяса нет, животы сморщились» — так выглядели женщины после многодневной голодовки. Этих свидетельств много — сошлемся и на записи О. Ф. Берггольц: «Темные, обтянутые кожей тела женщин... Груды у них исчезли, животы ввалились... У некоторых же животы были безобразно вспучены». З. С. Травкина обратила внимание на то, что все женщины в бане ходили «с хвостами». Имелись в виду копчики — на скелетах, обтянутых кожей, они выступали особенно резко¹¹.

Организм, лишенный подпитки, «съедал» внутренние органы, ткани, чаще всего сердце, печень, селезенку. «Голодая, человек занимается самопоеданием. Прежде всего, исчезают, поглощаются жиры. Потом наступает очередь других тканей, уходят мышцы», — рассказывал А. И. Пантелеев, заметив, что голод съел у него бородавку. «Мышцы, как тряпки» — наблюдалось и такое в блокадном Ленинграде. Делавшая впрыскивание в боль-

нице Л. В. Шапорина была поражена худобой рук как мужчин, так и женщин: «Одни мышцы и висячая дряблая кожа». У детей снижался вес, уменьшался рост, обнаруживался рахит¹². Иногда у них нарушались и пропорции тела — голова выглядела чрезмерно большой по отношению к туловищу. Истощенные дети со сморщенной кожей напоминали маленьких старичков.

В начале 1942 года отчетливо проявились признаки и другой болезни — цинги. Особенно много людей страдало от нее в марте 1942 года. Один из первых симптомов цинги — распухание и кровоточивость десен, выпадение зубов. На теле появлялись багровые и фиолетовые пятна. Они «ползли» по коже, увеличиваясь в размерах. Ноги «остекленевали», плохо стибались, возникали боли в костях пяток и в суставах, ходить было трудно. Кислая пища казалась горькой, сладкая — кислой. Лицо, тело, губы покрывались «болячками», язвами, фурункулами. «У меня были фурункулы на руках, на попе. В 1942-м всё было покрыто фурункулами», — рассказывала одна из блокадниц. Появлялись гнойные, цинготные нарывы на теле¹³.

От цинги пытались спастись весной 1942 года настоем из хвои. Его выдавали бесплатно и даже в принудительном порядке в столовых и лечебницах. Вкус его отталкивал («довольно противный», как скажет один из блокадников), и не все были убеждены в его полезности: быстрого эффекта он не давал. «Свежие пятнышки» цинги обнаруживали у себя и те, кто не раз использовал витаминный напиток. После употребления настоя иногда расстраивался желудок, а у тех, кто был уверен в его чудодейственных свойствах и пил без меры, опухали лицо, руки и ноги¹⁴. Самым лучшим средством считался лук, но многим он был недоступен.

Опухание, дистрофия, цинга делали некоторые лица неузнаваемыми. Об этом не раз говорили ленинградцы. Публикуемый здесь фрагмент дневника директора детского дома Н. Г. Горбуновой, как в капле воды, отразил нескончаемую боль людей, оказавшихся в блокадном аду:

«Один боец приехал с фронта и зашел, чтобы навесить своего ребенка, в д/дом. Ребенок его лежал в изо-

Истощенная
от голода девочка
в ленинградской
больнице

Палата
детской больницы
с новогодней елкой
в блокадном
Ленинграде.
Зима 1941/42 г.

Девушки
из бригады
местной
противовоздушной
обороны (МПВО)
снимают урожай
капусты
на Исаакиевской
площади.
Август 1942 г.

Ремонт крыла
советского
самолета-
истребителя Як-1Б
из состава 21-го
истребительного
авиаполка ВВС
Балтийского флота
в одной
из авиамастерских
Ленинграда.
1942 г.

Выгрузка продовольствия для блокадного Ленинграда из транспортного самолета Ли-2. Зима 1941/42 г.

Продовольствие в Ленинград везут по льду Ладожского озера.
Зима 1941/42 г.

